

Смена

МЕСТО действия нового спектакля Театра имени Ленинского комсомола — Ленинград по время блокады.

...В городе, где на могилах Пискаревского кладбища — прекрасные стихи Ольги Берггольц, где в музее под стеклом — трагический дневник Тани Савичевой, где в шкафах старых квартир можно наткнуться на копилку, сделанную из школьной «непробивайки» — в таком городе очень трудно рассказывать о блокаде.

Однако молодой режиссер А. Товстоногов выбирает именно такую пьесу. Посвящая спектакль 50-летию комсомола, режиссер уверен, что в пьесе есть то, что может быть нужным и интересным сегодняшней молодежи. Что же привлекло режиссера к повести И. Герасимова «Пять дней отдыха», по которой сделана пьесопроводка «Алексей и Ольга»?

Герои ее — ровесники сегодняшних зрителей Театра имени Ленинского комсомола. Алексею и его товарищам — девятнадцать, Ольге — восемнадцать лет. Как вели себя, что чувствовали они, твои ровесники, тогда, в то особое, труднейшее время? Прошлое ценно тогда, когда оно помогает жить в настоящем, понимать время и самих себя. Значит, нужно было пойти в историю, то что обогатит сейчас, обратить внимание не только на приметы времени, а и на человека времени — его стремления и сомнения, его поступки и их стимулы.

Основа спектакля — рассказ о том, как один из четырех солдат, оставшихся от роты, оборонявшей Ленинград и направленной в город для отдыха и пополнения, за эти короткие пять дней спасает от гибели девушку и перед самой отправкой на фронт женится на ней. Поведение Алексея Казаишова кажется его товарищам поначалу странным, даже заслуживающим осуждения. Но только поначалу...

Спектакль стремится показать: каждый, кто не проходит мимо другого человека, его отдельной судьбы, кто активно вмешивается в нее, чтобы помочь, даже когда перед ним стоят очень важные, общие цели, прав, ибо общие цели имеют смысл лишь если они служат счастью каждого отдельного человека.

Желание режиссера поставить об этом спектакль можно только приветствовать. Попробуем же

разобраться, как удалось его осуществить.

Прежде всего хочется отметить несомненную удачу художественного решения спектакля (худ. Д. Афанасьев). Огромную сцену перерезают белые от пыли нити проводов, местами оборванные или лопнувшие от мороза. В серой дымке тают на заднике знакомые силуэты Исаакиевского собора, Адмиралтейства, линии домов... По бокам сцены — типично ленинградские, тоже будто в пьесе, серые оштукатуренные стены...

Спектакль назван «Алексей и Ольга». Они главные герои спектакля, об их отношениях в

на Ольгу? Может быть, и ей есть то, что вызвало такое поведение Алексея? Но и Ольга в спектакле не раскрывается как личность, хотя бы потому, что она поставлена в особые обстоятельства жизни. Основное в Ольге — это процесс ее «выживания», показ того, как она выходит из состояния неподвижности и безразличия, выдирается из лап смерти, начинает снова жить и чувствовать.

Нужно сказать, что актриса Э. Зиганшина подробно, тонко и точно показывает этот процесс. Вот она жадно руками обхватывает кружку с кипятком... Вот до нее дошел смысл слов Алексея

тне. Видно, что он в чем-то понимает Алексея, в чем-то даже пытается ему помочь. «Тебе это очень надо?» — спросит он, отведя его в сторону, и отпустит в город, нарушая приказ. И, ожидая Алексея из «самоволки», он больше расстроен тем, что не может понять причины опоздания, чем возмущен его проступком. Словом, Крылов получился в спектакле живым, достоверным, свободным характером.

Воеводин же (арт. Л. Нищенко) и Шустов (арт. В. Ильичев) выглядят людьми, освобожденными от груза мыслей. Плохо верится, что эти парни вышли всего несколько часов назад с передо-

нагрузку этих образов и решение некоторых эпизодов (например, с пропавшей хлеба) в идейной концепции спектакля, ибо во многом от этого зависит его драматическая напряженность.

Хочется отдельно отметить две небольшие, почти эпизодические роли — старого актера Дальского и женщины в загсе. Дальский — артист М. Розанов, в нем мало слышится гимнастерки и с женским ширфом на шее, спокойный, готовый к любому заданию, с первого же своего появления на сцене будто привносит дух той ленинградской интеллигенции, которая посылала своих лучших представителей в ополчение.

Именно Дальский — и почти он один — тактично, деликатно помогает Алексею советом, билетом в театр, куклой в подарок Ольге и просто настоящим, человеческим участием, живой заинтересованностью в его переживаниях.

Яркое, остро характерное исполнение актрисы И. Слободской роли женщины в загсе построено на контрастах. Когда это кашляющее, сердитое существо, вот уже много дней регистрирующее только сотни и сотни смертей, «снимает маску» (и буквально, и фигурально), то перед нами добрая и отзывчивая женщина, которая так восхищена и растрогана браком Алексея и Ольги в это страшное время, что мы сами гораздо глубже понимаем настоящую цену их взаимоотношений...

ИТАК, спектакль «Алексей и Ольга» — спектакль об отношении человека к человеку, о возможности и необходимости тепла и внимания в любое, даже самое суровое время, о значительности таких людей, которым всегда все надо... В рассказе об этом у театра были и успехи, и промахи.

Вероятно, если бы режиссер располагал драматургическим материалом лучшего качества или если бы не старался сделать полноценный двухактный спектакль там, где все-таки речь скорее может идти о часовой пьесе, удач было бы больше. Однако ценно, что театр и молодого режиссера волнуют сегодня проблемы чистоты и чуткости в человеческих взаимоотношениях, что к ним он хочет привлечь внимание тех, кто только начинает жизнь.

Л. МУХИНА

АЛЕКСЕЙ, ОЛЬГА И ВСЕ ДРУГИЕ...

первую очередь идет речь. Что же говорят нам актеры?

Актер В. Яковлев не акцентирует внимания на «внезапно вспыхнувшей любви» Алексея. Он передает лишь его огромное желание вывести Ольгу из оцепенения, безразличия, его активное стремление разрушить ее отрешенность, заразить желанием жить. Он даже и женится-то на ней как будто затем, чтобы она могла ждать его, чтобы ей было зачем жить и без него. Но в этом образе важно и другое: почему так поступает именно Алексей? Что в нем заложено такого, что делает его более чутким, особенным человеком, которому до всего дело? В этом смысле образ оказался недостаточно емким, глубоким, богатым. И претензии здесь можно предъявить не только актеру, но и авторам инсценировки (И. Герасимов, И. Цинский). Пьеса не располагает достаточным драматургическим материалом, который раскрывал бы образ Алексея. А в повести была попытка показать Алексея более одаренным духовно, интеллектуально, там он человечески богат, и поэтому поступки его логичнее.

Впрочем, спектакль назван «Алексей и Ольга». Может быть, все внимание авторы направили

по театр, и она озабоченно и неловко полезла под подушку за зеркалом... Вот Ольга, боясь снова остаться одна, хлопотливо стелит постель для обоих, и только наткнувшись на взгляд Алексея, как бы впервые вспоминает, что он молодой парень, а она девушка...

Она словно начинает немного «оттаивать», и между ней и Алексеем впервые протягивается тонкая ниточка доверия и симпатии. Жаль только, что в Ольге — Зиганшиной преобладают несколько излишние «жалостные» черточки, это делает образ недостаточно крупным, объемным.

Однако мы помним, что, кроме Алексея и Ольги, есть еще окружающие их люди, те, кто оценивает поступки Алексея, кто помогает и нам, сегодняшним зрителям, понять свое отношение к этому событию.

Это прежде всего товарищи Алексея по роте. Вот один из них, сержант Крылов в исполнении артиста Р. Литвинова. Крылов — Р. Литвинов озабочен не только тем, как поступает Алексей, но и почему он так поступает. Он единственный не осуждает Алексея резко и сразу, хотя, как ротный, имеет на это больше оснований, чем все дру-

гой, что они прошли ожесточенные бои, теряя товарищей. Например, для Воеводина история Алексея и Ольги имеет особое значение, она должна была бы оказывать на него непосредственное влияние. Ведь мы знаем и о его любви, и о его немномоем необычных взаимоотношениях с любимой женщиной.

Шустов вовсе непонятен, он почти не решен актером. Кто он — пошлая, подлец или просто любящий хорошо поесть — остается неясным. Это тем более обидно, что его играет способный актер и в повести образ обладает вполне определенными индивидуальными чертами.

Думается, что режиссеру следовало более четко определить